

СТИХОТВОРЕНИЯ Й. Х. О. ДЖЮРХУСА

О. А. МАРКЕЛОВА

Литература Фарерских островов занимает среди литератур скандинавских народов уникальное положение. Фарерский язык — младописьменный: письменность и, соответственно, кодифицированный литературный язык фарерцы получили лишь во второй половине XIX в. Литературная традиция, отличная от фольклора, стала складываться на Фарерах только на рубеже XIX—XX вв.¹ После первых литературных опытов на фарерском языке (патриотические песни, публицистика) вскоре появляются произведения других жанров, привычных для европейских литератур XX в. Литература на фарерском языке в течение одного столетия эволюционировала к состоянию, идентичному состоянию литератур других скандинавских стран.

Процесс становления литературы на Фарерах был неотделим от становления фарерского национального самосознания. Можно без преувеличения сказать, что на протяжении всего XX в. магистральной темой литературы было осмысление собственной национальной идентичности: рефлексия о специфике фарерской культуры, судьбе родного языка, месте фарерцев среди других народов в той или иной степени характерна для всех или почти всех фарерских авторов. (Процесс «национального строительства» на островах завершился только к 2000-м гг.)

Разговор о становлении и развитии фарерской литературы немислим без обращения к творчеству Йенса Хендрика Оливера Джюрхуса² (1881–1948) — крупнейшей фигуры фарерской поэзии XX в.

Й. Х. О. Джюрхус родился в Торсхавне. Заслуживает упоминания тот факт, что среди его предков был Йенс Кристиан Джюрхус (1773–1853) по прозвищу *Sjóvarbóndin* («Крестьянин со Взморья») — автор баллад в традиционном стиле, которые можно назвать первым в фарерской словесности случаем выделения

¹ Учитывая давние политические и культурные связи Фарерских островов с Данией (Фареры по сей день входят в состав Королевства Дании), логично было бы предположить, что в истории фарерской литературы будет некоторое количество авторов, пишущих по-датски. Такие авторы на Фарерах немногочисленны; они появляются после 1920-х гг., и выбор датского языка для создания художественных текстов для них был сознательным шагом. Наиболее известные за пределами родины фарерцы, писавшие по-датски, — Вильям Хайнесен (1900–1991) и Йёрген-Франц Якобсен (1900–1938).

² В фарерском литературоведении Й. Х. О. Джюрхус часто упоминается под своим уменьшительным именем — «Янус».

авторской поэзии из фольклора. (Посвящением «Крестьянину со Взморья» открывается первый поэтический сборник Йенса Хендрика Оливера.) В юности Йенс Хенрик Оливер имел возможность общаться с идейными вдохновителями фарерского культурного возрождения. В 1900 г. он поступил в Копенгагенский университет, где изучал медицину, языковедение и юриспруденцию (после этого он некоторое время был практикующим адвокатом). Й. Х. О. Джюрхус был знатоком классических языков и античной поэтической традиции (знакомство с которой отнюдь не входило в кругозор среднестатистического фарерца начала XX в.). Интересующихся биографией Джюрхуса мы отсылаем к труду Х. Камбана³. Нас же будет интересовать в первую очередь его место в литературном процессе.

По оценке историка фарерской литературы Отни Даля, «поэт Янус, этот первопроходец в области языка, стал ярким примером для многих, кто после него писал стихи по-фарерски»⁴. Он развил фарерский литературный язык, продолжил уже сложившуюся на момент выхода его первой книги традицию фарерской патриотической лирики, а также ввел в поэзию на фарерском языке новые формы. Вторая его главная заслуга — приобщение фарерских читателей к мировому культурному наследию: достаточно сказать, что один из главных трудов Януса Джюрхуса — полный перевод «Илиады» на фарерский язык⁵. (Для сравнения, соседний народ — исландцы, обладатели одной из самых развитых в Северной Европе литературных традиций, до сих пор не имеют полного перевода «Илиады» на свой родной язык и довольствуются прозаическим пересказом.)

Не следует забывать, что в период 1890—1910 гг., эпоху бурных дебатов о судьбе и перспективах развития фарерского языка, материал для чтения на этом языке был крайне скуден (это касается как художественных текстов, так и нехудожественных, например газет и учебных пособий), и часто сам факт, что текст того или иного жанра впервые написан на фарерском языке, был столь же важен, как и литературные достоинства этого текста. Таким образом, для аудитории первых стихотворных сборников Джюрхуса было существенно, что они сталкивались в этом случае с лирикой нового для отечественной словесности типа. (Хотя, бесспорно, носителям более развитой литературной традиции, а также современным фарерским читателям такая манера письма не показалась бы новаторской.) Однако стихотворения Джюрхуса представляют отнюдь не только историко-литературный интерес.

В поэзии Джюрхуса есть черты, общие с датским романтизмом и с направлением «*Sturm und Drang*»⁶. В его стихах велика доля мотивов и тем из античной литературы, но в них также присутствует обращение к скандинавской традиции, в частности к фарерскому фольклору.

³ *Kamban H. J. H. O. Djurhuus. En litterær biografi. Bd. 1 og bd. 2. På dansk ved Kirsten Brix. Odense Universitetsforlag, 2001.*

⁴ *Dahl Á. Bókmentasøga II, 1876—1939, forlagið FANNIR, 1981, bls. 63.*

⁵ Этот перевод, носящий заглавие «*Ilions kvæði*», вышел в свет только в 1967 г., много лет спустя после смерти Джюрхуса.

⁶ *Isaksen J. Færøsk litteratur. Introduktion og punktnedslag. Vindrosen, 1993. S. 35.*

Мы предлагаем публикацию переводов стихов Й. Х. О. Джюрхуса, взятых из двух его книг — «Стихотворения 1914» (переиздание в 1923 г.) и «Moriendo» (1944).

Жанровый состав «Стихотворений 1914» разнообразен: есть тексты с патриотической тематикой, множество образцов пейзажной лирики (в которой фарерская природа всегда имеет статус национального символа) и медитативной лирики, стихотворения с исторической или легендарной тематикой. (Например, «Захлятье Тронда» («Gandakvæði Tróndar») и «Речи Турид, вдовы хёвдинга» («Turið megineinkja kvøðug») написаны на материале древнеисландской «Саги о фарерцах», точнее, ее переосмысления в фарерской народной традиции. В стихотворении «Изгой» («Hín fríðleysi») речь идет о главном герое «Саги о Греттире».) В этот сборник вошел также ряд переводов из скандинавской и немецкой поэзии (стихотворения Й. П. Якобсена, Х. Ибсена, Фр. Шиллера и др.). Применительно к большинству стихотворений можно говорить о создании новых литературных форм и обновлении фарерского языка.

Настрой «Стихотворений 1914» по преимуществу пессимистичен. В нем можно выделить такие основные мотивы, как судьба, буря, обреченность, смерть и ее ипостаси: вечер, сон. «Янус Джюрхус питает сильную любовь к фарерскому языку; часто кажется, будто он живет исключительно ради возрождения языка. Он дает понять, что жизнь сама по себе — грустное занятие, но возрождение родного языка, возможно, создаст на Фарерах новый золотой век»⁷.

Второе издание «Стихотворений» вышло в свет в 1923 г., в нем был сделан ряд дополнений. Среди них, в частности, одно из известнейших произведений Джюрхуса «Моисей на Синайской горе» («Móses á Sinaifjalli»), а также стихотворение «Атлантида» («Atlantis»), представляющее интересный пример мифологизации родины: в нем говорится, что Фареры находятся на месте этого затонувшего «края поэтических видений». (В эпоху становления национального самосознания манифестация связи родины со «славным прошлым», с древними культурами — пусть даже легендарными — всегда исключительно важна.)

«Moriendo» (1944) — последняя книга стихов Джюрхуса. В этом поэтическом сборнике оригинальные тексты и многочисленные переводы с других языков образуют тематическое единство. По сравнению со «Стихотворениями 1914» в «Moriendo» резко возрастает количество переводов из античной поэзии и стилизаций под нее; встречаются пограничные случаи между оригинальным стихотворением и переводом. Античный поэтический язык (в т. ч. характерный стихотворный размер) и античный универсум становятся формой выражения для фарерской реальности. (Важно помнить, что в фарерской литературе это происходит впервые, к тому же в стихотворениях, автор которых был хорошим знатоком античности.) Таким образом, перенесение этого универсума в фарерскую действительность воспринимается не как условно-поэтический прием, а как живая связь двух культур, и его присутствие обусловлено не давлением старой традиции, а личным выбором и опытом поэта. В «Moriendo» присутствуют и формальные инновации: появляются верлибры, до того отсутствовавшие в фарерской язычной поэзии.

⁷ *Isaksen. Færøsk litteratur...* S. 35.

Джюрхус продолжал жить и творить в те периоды, когда первые важнейшие шаги для становления молодой фарерской литературы были сделаны, и пережил некоторых своих младших современников. Как отмечает Егван Исаксен, «его поэтический дар был настолько мощным и уникальным, что многим, кто следовал за ним, он оказался не по зубам. Попытки писать стихи, как Янус, почти не поддаются исчислению... Для многих фарерских поэтов было нелегко освободиться от влияния Януса, потому что писать как Й. Х. О. Джюрхус под силу только самому Й. Х. О. Джюрхусу»⁸.

Фарерская поэзия (написанная на фарерском языке), насколько нам известно, прежде не переводилась на русский язык.

Перевод выполнен по изданию: *Djurhuus J. H. O. Yrkingar 1898–1948. Savnað, skipað og skrivað viðmerkingar hevur Chr. Matras. Mentunargrunnur Studentafelagsins, 1988.* (Годы написания отдельных стихотворений приводятся по этому изданию.)

МОЯ ПЕЧАЛЬ (MÍN SORG)

Печаль моя — дева, как мрамор бледна,
на бреге в брызгах и пене;
неистовству бури внимает она
и пляскам далеких селений.

Трепещет под ветром черная прядь,
и взоры — снопы огня:
Доколе же вам, как червям, глотать,
— пропащие годы! — меня?!

Восстань, бледный друг, из могилы сырой,
пропой о траве, что вянет.
Над ревом морей мы попляшем с тобой,
покуда не сгинем в тумане.

И ты мне споешь; будет мрачен напев:
так карлик в утесах рыдает,
так фюльгья, в ненастную ночь прилетев,
зимою в ущельях стенает.

И ты мне сыграешь; и будет игра
как северный яростный шквал
в ночи, когда ворон прокаркал в горах

⁸ *Isaksen J. At taka dagar ímillum. Um at ummæla og eitt úrval av ummælum. Føroya Skúlabóka-grunnur, 1988. Bls. 232*

о том, кто сорвался со скал.

.....

Печаль моя — дева: бледна, холодна,
и лик ее — мрамор и лед.
То вельва! Из прошлого века она
грядущему весть свою шлет.

(1902)

Речи Турид — вдовы Хёвдинга (TURID MEGINEINKJAN KVØÐUR)

К мести призывают —
голоса грозны.
Кровью истекают
и не заживают
раны, что судьбою
нам нанесены.

Снится безголовый
ночи напролет.
Ураган суровый
разобьет оковы,
тело обожжет.

Хладен поцелуй твой,
Сигмунд Брестисон!
Плащ твой — вод потоки,
меч — креста обломки;
в тяжкое безмолвье
дом мой погружен.

И одна сидела
я в безмолвье том —
тихо меж горами
над воспоминаньем
плакала тайком.

Плач мой превратился
в бурю наконец.
Словно тени шатки
все твои загадки,

Торкель, мой отец!
Равные нам норна
жребии спряла!
Лоды разбивались,
вороны слетались,
ярость душу жгла.

Ныне мне по сердцу
только звон мечей.
Сигмунд — славный воин —
будет упокоен
в тишине ночей.

Голоса взывают:
близок мести миг!
Кровь из ран струится,
в бой летит орлица —
в небе грозный клик!

(1906)

ЗАКЛЯТЬЕ ТРОНДА (GANDKVÆÐI TRÓNDAR)

Грозную песню
гряньте на взгорьях,
девы-валькрийи,
дети зимы!
Вы, мои вольные
водовороты,
в ветрах рождены!

В бой поспешайте,
дщери утесов,
и пробудите ярый прибой!
В вихрях вздымайте
бурун боевой!

Режу я руны,
они же вранам
пищу дадут.
Сведает Сигмунд:
Тронду перечить — напрасный труд!

Выси Вальгаллы,

что вёльвы судили
всем северянам —
надо спасти.
Веру восточную
здесь да не сможет
Сигмунд ввести!

Славные скалами,
знайте, Фареры:
мощные руны,
богами начертаны,
не отвратить!
Крепкую клятву
Тронд приносил
свой род защитить!

Грозную песню
гряньте на взгорьях,
девы-валькриии,
дайте мне сил!
Вперед, на Сигмунда,
в щепы — ладьи его,
в клочья — полки его,
на христианство,
церкви — по камню,
Тора и Одина Тронд восславил!
Высоко язычник-орел воспарил.
(1908)

ИЗГОЙ (HIN FRIDLEYSI)

Шторма и бурана
рев и вой.
В гулких фьордах
пенится прибой.
А Греттир в ночи
добирается вплавь домой.

Норны нагнали стаю
духов — голодных псов.
Алым зрачки сверкают,
слышится лязг зубов.

С ярой борясь волною,
вьюжной ночью глухой,
злою ужален змеею —
отчаяньем и тоской,
Стонет Греттир и воет:
*Исландия, внемли изгою —
меня в эту ночь укрой!*

Мне суждены невзгоды,
трудный мне выпал путь:
предан женой и родом,
вдаль не могу шагнуть.
Устал бороться с волною,
отчаяньем и тоской.
*Исландия, внемли изгою —
меня в эту ночь укрой!*
(1911)

О, БУДЬ СИЛЬНА, ДУША МОЯ!
(VER STERK MÍN SÁL)

О, будь сильна, душа моя, в ночи,
когда тепло из сердца утекает,
и пред богами не горит свечи,
и все надежды снегом заметает.
Будь велика, как тишина пространства,
что не преходит, если жизнь угасла.

О, будь сильна, когда туман тесней
вокруг загадок давних обовьется,
и изможденный сонм твоих детей
рыдает, истомившийся по солнцу.
Будь велика среди земных трудов —
тебе дарует ночь покой без снов.
(1914)

АТЛАНТИДА
(ATLANTIS)

И она повита легкой белой пеною морскою
и сияет в свете месяца, подобно светлякам,
как Брюнхильда, окруженная из пламени стеною, —
непорочная царевна, беспощадна к женихам.

И припомнил я далекие минувшие столетья:
так ракушка помнит моря переменчивого шум
и хранит в своих извивах отзвук грозных песнопений,
тех, что пели с Океаном и Пассаты, и Монсун.

И привиделись мне стогны беломраморного града,
по которым знать гуляла разодетою толпой,
и на агору стекались люди в праздничных нарядах
и теснились перед храмом, пред завесою святой.

Я узнал ее! То жрица из таинственного края —
затонувшей Атлантиды, поэтической страны.
И она рукой весталки первоцветами венчает
дев и юношей, и коз на пышных празднествах весны.

.....
Есть преданье, что Фареры в наши дни стоят на месте
той земли, что оевали поэтические сны:
там штормами и ветрами облаченная невеста
лунной ночью стирает руку дивной белизны.

Есть преданье, что увидевшие жрицу Атлантиды
в темно-синие глубины во дворец ее идут.
И баюкает их дева, дав во сне забыть обиды,
и венчает первоцветом;

а родные слезы льют.
(1917)

МОИСЕЙ НА СИНАЙСКОЙ ГОРЕ (MÓSES Á SINAIFJALLI)

Моя душа к вершинам воспаряла,
когда же Яхве в силе снизошел.
Его сияние и пламя облекало,
и я дрожал как лист, что ветер смёл.
И твердь повсюду трепетала:
Он снизошел
— и гром гремел, и молния сверкала —
на горы и на дол.

Как львиный рык в ущелиях Синая,
был Яхве глас.
Как вихри, что на взгорьях завывают,
был Яхве глас.

Казалось мне, в нем та волна бурлила,
что войско фараона поглотила, —
то Яхве глас!

Как в бурю, все пространства задрожали,
когда он проходил.
В родильных муках содрогались дали:
рождение тверди, света, сил.
И время — Яхве тень — давало ходу
для солнца и светил по небосводу.
И в мире лег рубеж меж «стал» и «был».

Из предначальной тьмы Тоху-ва-Боху
был всяк предмет передо мной творим.
Из тайны сумрака Тоху-ва-Боху
стал целый мир — и Элохим.
В туманной глубине Тоху-ва-Боху
услышал я: сквозь бурю, мглу и дым
пел каждый херувим:
— Из «было» и из «есть», Тоху-ва-Боху,
творит *себя же* Элохим!

(1921)

САМОЕ ЛУЧШЕЕ (TAD VESTA)

Раз к Афродите пришла женщина — и попросила:
«Лучшее дай моему, о богиня, любезному другу,
ибо лишь лучшее он мне дарил: дорогие объятья.
Часто ночами мы гимны слагали тебе, Афродита!»
И услышала богиня, и другу ее даровала
самое лучшее: сон на сумрачном берегу у Леты,
лучшее также и ей: дар бесценнейший скорби.

(1943)

ФАРЕРСКОЕ СТУДЕНЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ПРОЩАЕТСЯ С ЙЁРГЕНОМ-ФРАНЦЕМ ЯКОБСЕНОМ (HINS FØROYSKA STUDENTAFELAGS KVØÐA TIL JØRGEN-FRANTZ JACOBSEN)

Не в катафалке, в гробу, окруженный скорбящей толпою,
а на плечах молодежи добрался ты до Аида.

Светоч зажженный в руке своей нес из юношей каждый,
дабы героя почтить: ты повержен — но не повержен.

Знали они, что сменилось жилище: пришел ты на запад;
там же река протекает, название ей — Асфодолос.

Там тебя приветили, и там приют свой обрел ты
между героев Эллады, что путь твой земной украшали.
(1939)

РАГНАРЁК (RAGNARØKKUR)

Век огня! Век секир!
Потонул во мраке мир!

Всюду бури воют:
неба ль это воля —
иль людская злоба?

Иль на землю Демиург
низверг свое творенье?

Всё разбито, брошено тленью,
всё в запустенье;
и Слово поглотит забвенье.

Лев трепещет предо львом,
пред ланью лань;
не слышно больше птиц.

И каждый град — кромешный ад,
и восстаёт на брата брат.

Левиафан в пучине встrepенулся
и бряцает мечом...

О, дайте мне заснуть и не проснуться
под последним летним цветком!
(1939)